

Глава 45

У императора Чунчжао так и чесались руки, но после долгого молчания он сумел выдать лишь одно:

— Как только поправишься, немедленно отправишься в школу. И будешь слушать учителей со всем прилежанием!

Будь на месте Дубяня любой другой принц, государь бы уже давно проучил его как следует, но сейчас он был бессилен. Этот ребёнок казался ему хрупким, точно драгоценный фарфор.

Дубянь завозился на кровати, собираясь что-то возразить, но в носу снова подозрительно защекотало. Он мгновенно замер, затаил дыхание и, низко опустив голову, зажал лицо ладонями.

У Чунчжао дрогнуло веко. Отбросив все нравоучения, он засуетился:

— Скорее, платок! Несите платок!

Мальчик молчал, не шевелясь, а его личико медленно наливалось багровым цветом.

— Дыши! — вскричал император. — Ты что, дышать разучился?!

Дубянь широко открыл рот, судорожно втягивая воздух, но нос по-прежнему держал зажатым.

— Нет! — упрямо прохрипел он. — Там еда!

«Только что пообедал, жалко же будет, если всё обратно выйдет», — рассудил он про себя.

Чунчжао на миг лишился дара речи.

— Ты что... собственной крови брезгуешь?

После недолгой суматохи кровотечение удалось остановить. Жар вызвал сухость слизистой, и Дубянь понимал: единственный способ поправиться — поскорее закончить свой «научный труд» для Симулятора.

Увидев, сколько хлопот он доставил отцу, император проглотил заготовленные нотации. Ладно, в конце концов, все серьёзные разговоры подождут до его выздоровления.

После полудня, когда Чунчжао ушёл разбирать государственные доклады, Дубянь дождался, пока за ним задернут полог императорского ложа. Убедившись, что он один, мальчик осторожно выудил спрятанную бумагу и угольный карандаш.

Прежде чем начать, он шёпотом уточнил:

— Послушай, а если я случайно капну на лист кровью из носа, ты не снизишь мне балл за оформление?

Симулятор выдержал паузу, прежде чем ответить:

[...Нет.]

Успокоившись, Дубянь растянулся на кровати, беззаботно болтая в воздухе босыми пятками. Опираясь на прошлый опыт, он принялся в подробностях расписывать свои ощущения со вчерашнего вечера, не забыв упомянуть количество кровотечений. До обеда прошли лишь неполные сутки, так что он решил пока записать половину, а остальное оставить на вечер. Нужно было закончить как можно скорее, чтобы Е Сяюань и Сяочунь перестали за него изводиться.

В какой-то момент Дубянь сладко зевнул, спрятал карандаш, а листок аккуратно сложил и пристроил в потайной кармашек своей спальной рубашки.

— Следи внимательно, — наказал он Симулятору. — Если кто-то попытается его вытащить, пока я сплю, сразу буди. Если тайна раскроется, нам обоим несдобровать.

Симулятор промолчал.

Когда Дубянь крепко заснул, Да Хэй, свернувшийся калачиком у подножия ложа, внезапно вскинул голову и насторожил уши. В покоях, откуда ни возмись, появилась фигура. Человек бесшумно приблизился к императорской кровати, но в тот же миг прямо перед его ногами в пол ударил невидимый поток истинной ци.

Это было предупреждение от тайной стражи дворца Цзычэнь.

И Шиэр даже не вздрогнул. Он мельком глянул в сторону и встретился взглядом с псом. Этот «соратник» — то есть собака — носил кличку, в которой повторялись два иероглифа из его собственного прозвища. Страж невольно задался вопросом: не питает ли маленький принц какую-то особую страсть к сочетанию «Да Хэй»?

Человек и собака смотрели друг на друга несколько мгновений, достигнув негласного взаимопонимания. Да Хэй беззвучно вильнул хвостом.

И Шиэр подошёл ближе и, опустившись на колени, осторожно отодвинул край полога. Его бледные пальцы, ещё хранившие холод зимнего воздуха, сжимали только что сорванную ветку золотистой мейхуа. Он молча положил её на подушку Дубяня. Ему казалось, что эта ветка — самая красивая из всех.

Вскоре в покоях снова стало тихо, а Да Хэй опять свернулся клубком. О недавнем госте напоминал лишь тонкий, едва уловимый аромат, наполнивший пространство за пологом.

Тем временем в цветочном саду раздался полный отчаяния вопль:

— Кто?! КТО ЭТО СДЕЛАЛ?!

Управляющий, дрожа всем телом, указывал пальцем на дерево золотистой мейхуа — когда-то самое прекрасное в саду, а ныне ободранное едва ли не добела.

— Какое ничтожество посмело сотворить такое?!

Земля была усыпана обломанными сучьями и ветками — всё было безжалостно испорчено. Управляющему стало трудно дышать от горя. Он готовил это дерево для праздничного банкета, надеясь заслужить улыбку знатных особ и щедрую награду. Теперь всё пошло прахом!

— Это заговор! — взывал он к небесам. — Кто-то точно мне завидует и решил подставить!

Вечером Чунчжао вернулся в покои и, заглянув за полог, обнаружил, что Дубянь всё ещё спит. Заметив у изголовья ветку мейхуа, император не придавал этому значения — должно быть, кто-то из слуг принёс её, чтобы мальчику лучше спалось.

Он легонько хлопнул сына по мягкому месту:

— Просыпайся, пора ужинать.

Первым делом Дубянь машинально проверил кармашек — мысль о том, что недописанный труд может пропасть, приводила его в ужас. Нащупав бумагу, он облегчённо выдохнул.

Мальчик приподнялся, чтобы поесть, но из-за жара аппетита совсем не было, и он ограничился парой глотков каши.

Дождавшись, пока сын закончит, Чунчжао заговорил:

— Лекари говорят, что ты простудился и сильно перепугался. Я всё обдумал: на собачьей повозке ты больше ездить не будешь. А пса отправят обратно в псарню.

Дубянь тут же отозвался:

— Тогда я тоже переезжаю в псарню.

— Я и так проявил милость, позволив собаке находиться в Цзычэне, — отрезал император. — А если ты снова заболеешь? Мне опять придётся тебя выхаживать?

Дубянь оттолкнул миску, его глаза мгновенно покраснели, а по щекам покатались крупные слёзы.

— Тебе просто надоел такой проблемный ребёнок, как я! Ты ведь хочешь от меня избавиться, правда?

— Я вовсе не... — начал было Чунчжао.

Дубянь отвернулся, обиженно шмыгая носом:

— Я всё понимаю. У меня никогда не было мамы, я могу полагаться только на Ваше Величество. Если я тебе не нужен, я пойду жить к Да Хэю.

Пёс тут же вскочил и уставился на Чунчжао пронзительным взглядом. Казалось, он спрашивал: «Ну что, тебе ещё нужен этот щенок? Если нет, я его заберу и сам выращу».

Император вздохнул, признавая поражение.

— ...Ладно, пусть остаётся! Только успокойся!

— Спасибо, папа! — мгновенно повеселел Дубянь.

Его «транспорт» и главный кормилец был спасён. Опираясь на руку Чунчжао, мальчик поднялся, но из-за головокружения его слегка покачнуло. Под молчаливым и недоуменным взглядом императора Дубянь принял странную позу.

— Ты что творишь? — Государь всерьёз обеспокоился, не повредился ли сын рассудком от жара.

— Занимаюсь тайцзи.

Он не пропускал ни одного дня «отметок» в Симуляторе. Стоило продержаться ещё немного, и его ждала новая награда — терять такой шанс было бы крайне глупо.

Чунчжао наблюдал за ним несколько мгновений, нахмурившись, а затем принялся мерить комнату шагами, заложив руки за спину. Он махнул евнуху Юю, и тот, поняв без слов, вскоре вернулся с лекарем.

Ян, увидев, как Седьмой принц с предельно серьёзным лицом «режет воздух» на кровати, невольно прикусил губу.

Чунчжао тихо спросил:

— Это ещё можно вылечить?

Лекарь Ян промолчал.

Из-за всех неудобств жизни в Цзычэне Дубянь потратил на свой второй «трактат» больше двух дней. Это было дольше, чем он планировал, но результат того стоил: за работу он получил восемьдесят баллов из девяноста возможных, а его общий запас жизни вырос до ста двадцати пяти дней.

В тот день, когда Симулятор подтвердил завершение миссии, изнуряющий жар наконец окончательно спал. Стоило лекарю объявить о выздоровлении, как напряжённая атмосфера во дворце Цзычэнь мгновенно сменилась облегчением.

Дубянь, улучив момент, скомкал исписанные листки и сунул их в жаровню. Чтобы не вызвать подозрений, он подбросил туда ещё несколько чистых листов. К его удивлению, бумага у «папаши» при сгорании пахла куда приятнее обычной.

«Ну, — подумал он, наблюдая за искрами, — хоть какая-то польза. Считаю, проявил сыновнее почтение, сжёг бумажные подношения за здоровье родителя».

После болезни его стали кормить на убой: трижды в день подавали свиную печень и прочие продукты для крови. Гостинцы присылали и из дворца Шуньнин, и из императорской кухни. Пока он болел, наложницы так рвались его навестить, что Чунчжао пришлось издать указ, запрещающий любые посещения Цзычэня. Теперь же, хоть за Дубянем ещё и наблюдали, ему наконец разрешили принимать гостей.

Первым пришёл Пятый принц. Дубянь в это время бездельничал, изучая в уме схемы циркуляции ци, но услышав шум, кубарем скатился с кровати.

— Пятый брат?

— Семёрка, ты поправился? — робко спросил Цюй Душэнь.

В ответ Дубянь подпрыгнул и даже покружился на месте:

— Совсем здоров! Только лекари вредничают, не выпускают меня ещё пару дней.

— Я принёс тебе фиников, — Пятый принц протянул ему небольшой мешочек с сушёными плодами зизифуса. — Слышал, тебе нужно кровь разгонять. Я сам собирал и сушил их в прошлом году, они очень сладкие. — Он немного смутился. — Матушка говорит, что принцу не пристало заниматься такими делами, и даже отругала меня. Так что я сделал совсем немного, только это и осталось.

— Я обожаю финики! Спасибо, пятый брат!

Дубянь знал, что его симпатия к благородной госпоже Жун стремится к нулю, но он также понимал, что в этом суровом древнем мире таких, как она, было большинство. Он тут же отправил один финик в рот и, довольно жуя, пробормотал:

— Такие сладкие... В Цзюйане мне таких никогда не давали.

Пятый принц облегчённо выдохнул, и на его лице промелькнула тень слабой улыбки:

— Рад, что тебе понравилось.

Пока они играли с Да Хэем, вошёл Е Сяюань:

— Ваше Высочество, к вам пришли Четвёртый и Шестой принцы.

— Зови их скорее! Будем играть вместе.

Стоило Пятому принцу услышать о приходе Шестого, как его улыбка мгновенно погасла. Он снова превратился в безмолвную тень, словно и не было той мимолётной радости.

В комнату ворвался Шестой принц:

— Брат, ты скучал по мне?

Дубянь округлил глаза:

— Шестой брат, что у тебя с головой? Откуда такой синяк?

Следом за ним, медленно обнимая свою подушечку, вошёл Четвёртый принц. Он даже не взглянул на Шестого и, усевшись рядом с Дубянем, флегматично пояснил:

— Он пытался загрызть мою подушку. Я его стукнул.

Дубянь застыл. Он не знал, чему удивляться больше: тому, что медлительный, как ленивец, Четвёртый брат способен на рукоприкладство, или тому, что Шестой рискнул покуситься на святое. И как только наложница Лань и наложница И не вцепились друг другу в волосы после такой драки?

Шестой принц бесцеремонно отпихнул Пятого и уселся по другую сторону от Дубяня, объявляя бойкот:

— Он просто вредина! Разве старшие не должны уступать младшим? Я вот тебе всегда уступаю, а он — нет!

Четвёртый принц, чей враг теперь сидел напротив, отозвался со всей суровостью:

— Я уступаю только тем братьям, которым хочу.

— Знал бы, что ты тоже здесь, ни за что бы не пришёл! — огрызнулся Шестой.

— О, так ты уходишь? — безучастно поинтересовался Четвёртый.

Поняв, что дело пахнет новой потасовкой, Дубянь поспешно вмешался:

— Тише!

Шестой принц надулся:

— А что это у тебя в руках?

— Подарок от Пятого брата, финики.

Шестой возмущённо сжал кулаки:

— Ах ты хитрец! Пришёл раньше нас и подлизался с подарком!

Пятый принц лишь промолчал. Откуда ему было знать, что они тоже заявятся? В такие моменты отсутствие договорённости всегда порождало неловкость.

Шестой принц принялся шарить по карманам и в итоге выудил белый камешек.

— Вот... подобрал по дороге. Мне показалось, он не такой, как остальные! Это тебе.

Четвёртый принц немного поковырял свою подушку и, вытащив маленькое зёрнышко пшеницы, с явным сожалением вложил его в ладонь Дубяня. Было видно, что расставание с этим сокровищем далось ему нелегко.

Дубянь не поскупился на благодарности. Он одарил каждого лучезарной улыбкой, обнял братьев и даже вытащил из угла Пятого принца, велел слугам принести ему стул и усадить рядом.

Четверо детей быстро подняли такой шум, что когда Чунчжао вернулся после совета, его дворец Цзычэнь напоминал поле боя. Да Хэй, чья шерсть была сплошь заплетена в нелепые косички, выглядел так, будто познал всю тяжесть этого мира; он прикрывал лапами голову и уши, не желая ничего видеть.

Император кашлянул, привлекая внимание.

Братья мгновенно обернулись, и у каждого была своя реакция: Пятый принц почтительно поклонился, Четвёртый лишь лениво кивнул, а Шестой, в чьём взгляде радость мешалась со страхом, втянул голову в плечи, боясь, что его сейчас начнут экзаменовать.

Чунчжао величественно кивнул и перевёл взор на младшего сына, который на фоне старших казался совсем крохотным. Тот лишь сонно зевнул и помахал рукой:

— О, сегодня ты рано.

— Ты, я вижу, неплохо устроился — принимаешь гостей прямо в моих покоях, — проворчал император, но затем повернулся к старшим. — Что ж, похвально. Хоть вы ещё и малы, но уже ведёте себя как подобает братьям, раз пришли навестить больного.

— И они принесли подарки! — вставил Дубянь. — Финики Пятого брата очень вкусные.

Чунчжао внимательнее посмотрел на Пятого сына. Тот набрался смелости и поднял на него робкий, полный надежды взгляд. Император помнил его как тихого ребёнка, вечно хвостиком ходящего за Шестым. Трудно было сказать, насколько он талантлив, но характер казался слишком замкнутым.

— Хорошо. Вы все молодцы, — похвалил он.

Сердце Пятого принца радостно затрепетало, и он склонился ещё ниже:

— Благодарю отца за милость.

Чунчжао прошёл мимо него и, подхватив Дубяня за шиворот, приподнял его. Сравнив его с Шестым принцем, он нахмурился:

— И почему ты совсем не растёшь?

«Задел за живое, старый хрыч», — подумал Дубянь. Он просто ещё маленький, а вся его красота — внутри!

Настроение у императора было отменным. Он немного поиграл с сыновьями, а затем велел им возвращаться к себе. Принцы один за другим откланялись и в сопровождении слуг покинули Цзычэнь.

Их путь в покои наложниц частично совпадал. Четвёртый и Шестой принцы вынуждены были идти бок о бок, едва сдерживая неприязнь, а Пятый всё ещё прокручивал в голове скупую похвалу отца. Маленькие принцы были погружены в свои думы, и от недавнего веселья не осталось и следа.

Они отошли совсем недалеко, когда с неба вдруг посыпались хлопья снега.

Пятый принц поджал губы:

— Мы не взяли зонты.

Шестой задрал голову, радуясь перемене погоды:

— Это же не дождь! Просто пойдём быстрее, и всё.

Сами дети не слишком беспокоились, но слуги засуетились: если господа простудятся, гнев наложниц обрушится именно на них.

— Четвёртый брат! Пятый! Шестой! — раздался издалека звонкий голос.

В туманной дымке летящего снега к ним бежал маленький силуэт в тёмно-синем меховом плаще, а следом за ним неслись двое евнухов. Дубянь в тёплой шапке сжимал в руках зонт, Да Хэй тащил в зубах ещё один, а третий был в руках у Е Сяюаня.

Снежинки осели на ресницах мальчика и тут же растаяли, когда он моргнул.

— Я принёс вам зонты!

Он раздал зонты братьям, и слуги, рассыпаясь в благодарностях, поспешили раскрыть их над своими подопечными.

— Ты очень добрый, Семёрка, — сказал Четвёртый принц.

— Спасибо тебе, брат, — отозвался Пятый.

Шестой принц хлопнул Дубяня по плечу:

— Хороший ты малый. Обращайся, если что, я тебя в обиду не дам.

Дубянь лучезарно улыбнулся:

— Договорились! Бегите скорее, а то заболете, как я.

Братья снова попрощались. Дубянь стоял на ступенях террасы и с улыбкой смотрел им вдогонку: Шестой шагал быстрее всех, Пятый по-прежнему следовал за ним, а Четвёртый плёлся в самом хвосте.

Мальчик помахал им рукой и крикнул во весь голос:

— Осторожнее, дорога скользкая!

Четвёртый принц обернулся, улыбнулся ему в ответ и помахал рукой. Они прошли вместе ещё немного, а у подножия лестницы разошлись в разные стороны.

Дубянь дождался, пока их фигуры скроются из виду, и вместе с Да Хэем вернулся в тепло дворца Цзычэнь.